

Колдовские *Миры*

Мой (не)любимый дракон

Мой (не)любимый дракон

Выбор алианы

ВАЛЕРИЯ
ЧЕРНОВА

МОЙ (НЕ)ЛЮБИМЫЙ
ДРАКОН

ВЫБОР АЛИАНЫ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрации на переплете и в тексте
Е. Метлиновой

Чернованова, Валерия Михайловна.

Ч-49 Мой (не)любимый дракон. Выбор алианы /
Валерия Чернованова. — Москва : Эксмо, 2018. —
480 с.

ISBN 978-5-04-099005-4

Принять участие в отборе невест и нажать кучу врагов? Как оказалось, это совсем несложно. Влюбиться в ледяного дракона? Тоже было довольно просто. Вот только как отдался этому чувству, когда в другом мире остался законный муж?

Заговорщицы и соперницы неустанно плетут интриги. А расплачиваться за победу, возможно, придется ценой собственной жизни. Но я, в прошлом Аня Королева, а ныне княжна Фьярра-Мадерика Сольвер, предпочитаю не думать о худшем. И продолжаю верить, что настоящая любовь сильнее любого проклятья и не позволит мне превратиться в лед.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Чернованова В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-099005-4

Глава 1

Все любят хеппи-энды. Жаль, не всегда они случаются в жизни. И только заядлые мечтатели и неисправимые оптимисты верят в такие сказки. Им постоянно слышится мажорный аккорд.

Увы, в мелодии моей жизни преобладают минорные ноты.

Наверное, я законченная пессимистка, потому как с недавних пор ни в какие «и жили они долго и счастливо» не верю.

С недавних — это с сегодняшнего вечера, который можно сравнить с виражами на американских горках. Когда то летишь вверх, то ныряешь вниз, и тебе то страшно до чертиков, то дух захватывает, и в животе хлопают крыльями сотни бабочек.

Танец со Скальде — это как раз про тех самых бабочек и про стремительный полет до небес. Нападение Крейна — поворот в мертвой петле, после которого несешься в бездну. Поцелуй с тальденом — снова взлет к солнцу, выше облаков. А потом...

Я сама столкнула себя из поднебесного рая на грешную землю. Падение было коротким, приземление — болезненным. Насмерть не разбилась, но сердце все в трещинах.

Надо будет спросить Хордиса, нет ли у него еще какого-нибудь обезболивающего. Чтобы в груди так

противно не ныло. А лучше пусть даст мне общий наркоз. Хоть высплюсь нормально.

Еще бы раздобыть обидоутоляющих капель. Но вряд ли они найдутся в аптечке целителя.

И ведь не на кого свалить вину, сделать крайним. Сама влюбилась. Сама оттолкнула. Прервав самый умопомрачительный поцелуй в своей жизни.

Запаниковав, я отстранилась от Скальде, лишая себя тепла его объятий, ласки таких желанных губ. Стирая мимолетные мгновения счастья, как будто их и не было.

— Это неправильно, — пушечным залпом прогрело в тишине опрометчивое.

И зачем только сказала... Ненормальная.

Спустя секунды, а может, вечность его напряженного молчания и моего прерывистого дыхания, услышала:

— С Крейном тоже так было? Сначала позволяла вокруг себя крутиться. Потом, когда надоел, оттолкнула.

Слова ударили пощечиной.

Ревность и злость, полыхнувшие в глазах дракона, скрыл уже ставший привычным лед. Он затянул мутной коркой ясную радужку, и меня обдало холодом. Казалось, вокруг нас вот-вот закружит вьюга, снежная метель подхватит меня и бросит в сугроб.

Внутри всколыхнулась обида, замешанная на собственных страхах и сомнениях.

— Значит, вот какой вы меня считаете? Девицей легкого поведения, соблазняющей всех подряд? — Только что поцелуи Ледяного были так сладки, а теперь на губах горчило от его слов. — Герцогов, тальде-нов... Ваше великолепие, я уже давно не в том возрасте, чтобы играть чувствами. И никогда не рассматривала мужчин в качестве игрушек.

— Вас постоянно видели вместе, — хлестнул упрёком.

Тьма в сумрачном взгляде густела, становясь непроницаемой. А я-то, наивная, понадеялась, что прощена и помилована. Но Герхильд вдруг решил начать меня «казнить».

— Ну простите, что не зарывалась в снег всякий раз, когда он оказывался рядом! Я с ним встреч не искала. Может, еще оправдаете Крейна и посочувствуете ему? Скажете, что поступил правильно, проучив кокетку за легкомыслие. Какой молодец!

— Ты извращаешь мои слова, Фьярра, — процедил, будто лед зубами крошил. — Крейна накажут за то, что он тебе... с тобой сделал. Я просто пытаюсь понять, почему это произошло.

Тоже мне, сыщик доморощенный.

Черты лица Герхильда заострились, стали еще более резкими, будто высеченная из камня маска. Свободная рубашка скрадывала тело, но я скорее чувствовала, чем видела, как мышцы бугрятся от напряжения на руках, на груди тальдена. В то время как в душу к нему на шабаш слетались ведьмы и прочая нечисть.

Правду говорят, все драконы — неисправимые собственники. А еще ревнивцы, каких свет не видывал. Даже Ледяные. Любить не умеют, зато ревновать — слепо, до бешенства — это сколько угодно. И вот сейчас его подмороженное великолепие бесится от того, что кто-то другой посягнул на желанную добычу. Осмелился ее целовать.

Наверное, потому и пришел. Чтобы стереть прикосновения губ Крейна, своим поцелуем наложить печать. Подтвердить право собственности. А не потому что беспокоился, каково мне сейчас, после того, как чуть не стала жертвой насилия. Поставил тавро, как на любимой корове.

И еще чем-то недоволен!

— Я устала и хотела бы отдохнуть. Вам в любом случае не следует здесь находиться, — выразительно покосилась на дверь.

Тальден усмехнулся, напоследок всадив мне взглядом в сердце осколок льда, и, бросив холодно: «Доброй ночи, эсселин Сольвер», ушел, так и не поняв, что же со мной на самом деле происходит.

Не пожелав понять.

Впрочем, откуда Скальде было знать, что я оттолкнула его не из-за обиды. Не из-за того, что такой ревнивец и собственник. И даже не из-за угрызений совести перед Лешей. Последняя уже давно скончалась в муках. Вместе с любовью к мужу.

Я просто испугалась, что могу в любой момент потерять то, что стало для меня по-настоящему важным.

Скальде целовал эсселин Сольвер, прекрасную княжну Лунной долины... Ладно, не прекрасную, а подсвеченную синяками. Но все равно княжну. Вот только я никакая не княжна. Я просто Аня. Аня Королева. Девушка из другого мира, которой никогда не стать ари. Даже если Герхильд из всех алиан выберет меня и после первой брачной ночи я не превращусь в ледяной памятник, для меня хеппи-энда все равно не случится. Ведь мое место сразу займет Фьярра.

Коза драная.

Жаль, что я не Скарлетт О'Хара, которая все проблемы благополучно оставляла на завтра. Увы, у меня никогда не получалось кормить себя «завтраками». И я не робот, чтобы отключать мысли на ночь. Ставить неприятные, разъедающие душу чувства на паузу.

Наконец-то перестала врать самой себе и призналась, что влюблена. По уши, безвозвратно и без всяких привязок. И мне совсем не хочется продолжать обманывать Скальде. Ну не могу я с ним целоваться

и при этом прикидываться той, кем на самом деле не являюсь!

— Ну и что прикажешь делать? — спросила пре-спокойно дрыхнущего возле камина Снежка.

В ответ кьерд лениво дернул хвостом, усыпав пол вокруг себя искрящимися снежинками. Как будто от назойливой мухи отмахнулся. От меня. Наверное, таким образом питомец хотел сказать: отстань! Мне не до ваших сердечных метаний. Сами разбирайтесь.

Я обвела комнату задумчивым взглядом. Поймала в зеркале свое отражение — в серебряной глади маячила хрупкая светловолосая девушка.

Не я.

Это было не мое тело, не мой мир, не мое время. Но мужчину, с которым меня свела судьба, — его безумно хотелось назвать своим. И чтобы он узнал настоящую меня. Полюбил Аню, а не Фьярру.

— А знаешь что? — Кьерд не знал и не хотел знать. — Возьму и разберусь!

«По-хорошему следовало с этой мыслью сначала переспать и уже потом что-то решать», — так думала я, спеша коридорами замка в крыло, где располагались покои будущего императора.

Время уже давно перевалило за полночь. Праздник кончился. В замке хозяйничали сумрак и тишина. Меня встречали и провожали блики пламени на стенах и стекающие по ним, расползающиеся по полу причудливые тени.

Я шла, с силой сжимая кулаки, раздираемая сомнениями. Что, если Блодейна узнает, и тогда пострадают мои близкие? Что, если Скальде меня не поймет? Что, если, признавшись, сделаю только хуже? Себе, ему.

Всем.

Обернулась, взглядываясь в следующий по пятам полумрак. Еще не поздно повернуть обратно... Ногти

впивались в ладони, оставляя на коже глубокие борозды, но боли я не ощущала. Не чувствовала ничего, кроме навязчивого желания во всем сознаться.

Я его люблю? Люблю. Хочу ему врать? Не хочу.

Не могу.

И не буду!

Не стану больше идти на поводу у чертовой колдуньи!

Отбросив сомнения, ускорила шаг, спеша скорее добраться до покоев тальдена. Не знаю, как обойду стражу. Не знаю, как к нему попаду.

Главное, сегодня... Сейчас! Я все ему расскажу!

* * *

Пленник не сдавался. Бесцветным голосом, словно заведенный, твердил об одном и том же: алиана сама его спровоцировала. Сама дала повод считать, что он ей интересен. Ни угрозы пыток, ни обещание скорой казни не изменили его признаний.

Вглядываясь в искаженные мукой черты лица узника, в его странно горящие в темноте глаза, Скальде не мог понять: то ли Крейн совсем не боится смерти, а потому продолжает врать. То ли перед ним сумасшедший, живущий в мире собственных извращенных фантазий.

В которых Фьярра могла его желать.

Впрочем, в безумие герцога тальден не верил. Не верил он и во внезапно вспыхнувшее чувство к эсселин Сольвер. Такие люди, как Крейн, — скользкие, хитрые, расчетливые — никогда не пойдут на поводу у эмоций. Им чужды любые страсти, кроме единственной — жажды поживы и власти.

Все то время, пока находился в подземелье, у решетки, отгородившей его от сырой, затхлой клетки —

временного пристанища пленника, — Скальде боролся с искушением превратить того в ледяное крошево. Или просто, не прибегая к магии, разорвать подонка в клочья.

Зверь, с рождения живущий в тальдене, рвался наружу. Не просил — требовал дать ему волю. Чтобы самому расправиться с ублюдком, причинившим боль хрупкой, беззащитной девочке. Которую по праву считал своей.

Неимоверным усилием удалось обуздать гнев, унять бешеное биение сердца, разгонявшее по телу кровь. Смертоносным ядом жгла она вены. Наверное, оттого мутился рассудок и ледяная мгла застилала взор.

Поддайся тальден сиюминутной слабости, уступи отчаянному реву зверя, и разнес бы к таграм все подземелье. Тогда погиб бы не только пленник — пострадали бы маги, явившиеся допрашивать Крейна.

Дракон затих, только когда на него перестали давить каменные своды подземелья. Скальде ушел от греха подальше, прежде наказав своим людям разговорить узника во что бы то ни стало. Вытянуть из него правду.

Тальден не сомневался: герцог — всего лишь пешка в руках Хентебесира. Оставалось выяснить, какую игру затеял князь, зачем пытался выставить Фьярру распутницей. Может, тогда у старейшин наконец откроются глаза. Глупцы продолжали благоволить Игрэйту и считали его вполне приемлемой альтернативой теперешнему правителю.

Беспокойные видения вспышками молний вспарывали туман, клубившийся в сознании: алиана в разодранном платье. Напуганная, дрожащая, с кровоподтеком на лице — следом пощечины. Один на один с животным. С этим темнодольским отродьем.

Его не было рядом, когда она так в нем нуждалась. Словно наяву, как будто все случилось какое-то мгновение назад, Скальде видел слезы, застывшие в небесно-голубых глазах. Отпечатавшийся в них страх.

Если бы не кьерд, если бы не почувствовавшая неладное служанка... Будущее Фьярры стало бы тем самым крошевом, в которое тальден мечтал превратить Крейна.

От этих мыслей дракон внутри снова яростно заворочался, доставляя Герхильду почти физическую боль. Зверя непреодолимо влекло к девушке с мятежным взглядом, такими чувственными губами, медом пахнущими волосами. Она вся была сладкой, желанной, манящей. Дракон стремился к ней, желал быть с ней. Желал ее.

Того же самого хотел и Скальде. Хоть и опасался чувств, что Фьярра в нем вызывала. Сначала внезапно проявившаяся таэрин. Теперь его зверь сходит с ума. У Ледяных такого не бывает. Никогда.

Это Огненными в выборе пары зачастую руководит живущий в них хищник. Они привыкли полагаться на чувства и инстинкты. Ледяные — на холодный рассудок.

Но рядом с этой девочкой сложно было оставаться холодным и рассудительным.

Быть Ледяным.

Она откликнулась на его поцелуи. Потянулась к нему всем своим естеством, щедро даря тепло, отдавая нежность и ласку. Мягко зарывалась пальцами в его волосы, приподнималась на носочки. Лишь бы быть к нему ближе. А он пил ее дыхание — хмельной, сладкий и такой опасный напиток. Вбирал в себя тихие вздохи-стоны и чувствовал, что с каждой секундой, вместо того чтобы утолить эту сумасшедшую жажду, желает ее все больше.

И Фьярра отвечала ему взаимностью.

Тем неожиданней оказался внезапный холод, которым вдруг повеяло от нее. Резкие слова:

— Это неправильно!

И взгляд, стыдливо отведенный в сторону.

Как будто чувствовала перед ним вину. Как будто что-то от него скрывала.

— С Крейном тоже так было? — В груди полыхнула ревность, которую Фьярра в нем мастерски разжигала. — Сначала позволяла вокруг себя крутиться. Потом, когда надоел, оттолкнула.

Сам не понял, зачем сказал это. Вспылил. Вдруг снова разозлился. Снова увидел перед собой Крейна, исступленно целующего девушку. От этой картины рассудок окончательно помутился. А еще от слов, брошенных безразлично:

— Я устала и хотела бы отдохнуть. Вам в любом случае не следует здесь находиться.

Алиана всем своим видом давала понять, что мечтает избавиться от его общества.

Злость, раздражение, гнев снова кипятком обжигали внутренности. Тальден было ринулся обратно в подземелье. К счастью, вовремя сумел себя остановить. Там он точно свихнется, и тогда Крейн не то что до суда не доживет. Даже исповедаться не успеет.

А Скальде нужны были ответы.

Возле императорских покоев, оглашая пустынную галерею громким храпом, спал стражник, явно позволивший себе лишнего на празднике. По-хорошему следовало наказать нерадивого охранника, но Герхильд его даже не заметил. Все мысли были о Фьярре. О девушке, лишившей его привычного покоя.

Она была так переменчива, так непостоянна. Как ветер, как море во время шторма. То бежала к нему, то рвалась прочь, от него. Казалось, она с ним игра-

ет... А Скальде ненавидел ужимки, уловки и игры. Все то, что так нравилось прекрасным созданиям.

— Что ты здесь делаешь? — бросил раздраженно, заметив в полумраке спальни дождавшуюся его непрошеную гостью.

Глава 2

Далива мысленно порадовалась, что все так удачно складывается. Она беспрепятственно прошла в покои будущего императора, проскользнув мимо крепко спящего стражника. Раньше, всего каких-то несколько недель назад, в Ледяном Логе перед ней открывались любые двери. Но теперь даже конюхи и повара та в курсе, что она больше нежеланна для наследника.

Пришлось подстраховаться. Подговорить пажа, чтобы угостил охранника вином из императорских погребов. Отменный крепкий напиток, в который ее сиятельство предусмотрительно добавила несколько капель зелья, что в последние ночи помогало ей бороться с бессонницей и мигренью.

Скальде не обнаружился ни в спальне, ни у себя в кабинете. В других комнатах его тоже не было, что дало графине время подготовиться к соблазнению.

Далива дрожала. Не то от холода, не то от волнения. А потому подбросила поленья в недра каминов и поворошила кочергой угли. Зажгла свечи, чтобы в комнате стало светлее и в то же время не истончилась вуаль полумрака.

Стоя перед напольным зеркалом, заключенным в тяжелую резную раму, ее сиятельство не спеша ослабляла шнуровку платья. Привычно любовалась своим отражением, подсвеченным огненными бликами. Персиковая кожа в теплом приглушенном освещении ка-

залась дорогим сарийским шелком, отливала золотом. Волосы — что языки пламени, бушующего и жаркого.

Она вся, истосковавшаяся по ласкам Скальде, горела, пылала. Готова была отдаться тальдену сразу, как только он переступит порог спальни.

— Только приди, — шептала, словно молитву. Взволнованно кусала губы, отчего те порозовели и соблазнительно припухли. — Не к ней. Ко мне.

Негромко шелестя, платье соскользнуло с точеных бедер, серебристым облаком укрыло пестротканый ковер. Тончайшая сорочка отправилась следом. На молодой женщине остались только серебряные жгуты браслетов и массивное кольцо — платиновый полумесяц, поблескивавший у самого основания шеи.

Взбив локоны у висков, Далива подарила своему чувственному отражению улыбку и ободряюще сказала самой себе:

— Не устоит. Просто не сможет.

Графиня д'Ольжи понимала: она сильно рискует, собираясь предстать перед тальденом полностью обнаженной. В последнее время Скальде вел себя непредсказуемо и мог запросто взбеситься. С другой стороны, рисковать Далива любила. Чувство опасности горячило кровь, а тело, пока ждала Герхильда, раз за разом охватывала приятная, будоражащая дрожь.

Если зельевар не солгал и духи и в самом деле — сильнейшее возбуждающее средство, пусть Ледяной злится на нее, пусть бесится! Столь сильные, острые чувства, дурманивший аромат духов, вид нагой, готовой ночь напролет убаживать его томной красавицы — и Скальде наверняка уступит соблазну. Главное, снова пробудить в нем безудержное желание. Напомнить, чего лишился, оттолкнув ее.

Далива нанесла по капле волшебного средства на кожу за мочками ушей, ласкающим движением паль-